

Митрополит Иларион: В Церкви существует достаточное пространство для различных художественных направлений

23 марта 2013 года гостем программы «Церковь и мир» на телеканале «Россия 24», которую ведет председатель ОБЦС митрополит Волоколамский Иларион, стал народный художник Российской Федерации Василий Нестеренко.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир». Сегодня мы будем говорить о Церкви и изобразительном искусстве. У меня в гостях - народный художник Российской Федерации Василий Нестеренко. Здравствуйте, Василий Игоревич!

В. Нестеренко: Добрый день, уважаемый Владыка! У меня накопилось к Вам столько вопросов! С одной стороны, как к иерарху Русской Церкви, а с другой – как к выдающемуся деятелю современной культуры.

Вы продолжаете активно работать как музыкант, а значит, как художник. В связи с этим у меня такой вопрос: иногда искусство предполагает элементы некоего лицедейства, подмены своего «я» на «я» того образа, в который человек перевоплощается; в большей степени это выражается в театральном искусстве, хотя бывает нужно и в искусстве живописи. Например, если пишешь портрет, ты должен перевоплотиться в этого человека. Есть ли в этом что-то противоречащее учению Церкви? Отрицает ли Церковь искусство как таковое?

Митрополит Иларион: Церковь никогда не отрицала искусство как таковое. Наоборот, она всегда способствовала его развитию. Если мы обратимся к искусству средневековья и того периода, который непосредственно средневековью предшествовал, то увидим, что все оно было церковным. Памятников светского искусства той эпохи до нас практически не дошло. Почти все произведения изобразительного искусства, архитектура – все то, что сохранилось и привлекает миллионы людей в качестве туристов и паломников, – это памятники церковного искусства.

Другое дело, что Церковь на разных этапах своего бытия выступала против некоторых видов и направлений искусства. Это происходит и сейчас. Например, Иоанн Златоуст критиковал театр. Но если мы посмотрим на театр его времени, то увидим, что это был, по сути, рассадник порока, безнравственности, основанный как раз на том лицедействе, которое, как Вы сами сказали,

противоречит жизни Церкви, основанной всегда на правде.

Один из основных догматов Церкви – догмат о Боговоплощении. Бог принял на Себя человеческий образ, человеческое естество и стал человеком. Тема воплощения очень важна для христианства и имеет прямую связь с отношением Церкви к искусству.

Почему, например, в некоторых религиях – в иудаизме, исламе – продолжает действовать запрет на любые изображения людей? Это ветхозаветный запрет, связанный именно с тем, что «Бога не видел никто никогда», как говорится в Евангелии от Иоанна. И этот стих заканчивается такими словами: «Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин. 1. 18). То есть невидимого Бога сделал видимым Иисус Христос Богочеловек. Благодаря этому стало возможно в канонических рамках церковного искусства изображать Бога – не Того, Который невидим, а Того, Который стал человеком, а также людей, которые достигли святости и достигли того состояния, которое мы называем **обо**жением. Так появилось иконописное искусство.

В. Нестеренко: Владыка, Вы сказали, что многие религии запрещают изображать Бога. Но и в истории христианской Церкви была эпоха иконоборчества, когда в Византии (для нас, художников, это слово святое) разрушали мозаичные изображения Христа Спасителя.

Мой следующий вопрос – о развитии искусства. Искусство должно развиваться, оно не может оставаться в застывших формах – иначе начнется регресс.

Митрополит Иларион: Если говорить о развитии искусства и о лицедействе, то у Церкви есть определенный критерий. Что такое лицедейство? Неслучайно это слово созвучно со словом «лицемерие». Обратимся к актерскому искусству: ведь мы по-настоящему любим только тех актеров, которые заставляют нас забыть, что их игра – это игра. Они настолько естественно передают образ, что мы забываем о том, что это произведение искусства, что это вымышленный сюжет. Мы плачем вместе с плачущими героями, смеемся со смеющимися – то есть полностью вовлекаемся в эту драму. И в этот момент она перестает быть лицедейством, становясь для человека важным жизненным уроком.

Таким жизненным уроком может стать фильм, музыкальное произведение, картина или икона. Когда речь идет о высоком искусстве, трудно провести четкую границу между искусством церковным и тем искусством, что находится за оградой Церкви. Ведь есть много произведений искусства, которые созданы не специально для Церкви, необязательно в рамках канона, но при этом несут в себе такую мощную духовную составляющую, что они могут перевернуть жизнь человека.

С юности я очень люблю Ван Гога. Не знаю, как Вы относитесь к этому художнику, но для меня это своего рода идеал художественного творчества. У него нет каких-то ярко выраженных религиозных тем. Он пишет то, что он видит. Он изображает мир, звездное небо, кафе, в которых он пил абсент, обычных людей, но его живопись открывает такой глубокий внутренний мир человека, позволяет настолько по-новому взглянуть на реальность, что может стать настоящим откровением.

Я получил поразительное впечатление, когда посетил Овер-сюр-Уаз – городок, в котором Винсент Ван Гог провел последние 70 дней своей жизни. Там сохранилась комната, где он жил: семь квадратных метров площади, маленькое окошко под крышей, железная кровать и стул. Это все, что у него было. Ты идешь по этому городку, видишь какую-то улицу, какой-то дом – и здесь же размещена репродукция с картины Ван Гога, на которой этот дом изображен. Ты видишь, как это все выглядит в реальности и во что это превращается на картине. Ты видишь, как художник наполняет реальность своим внутренним миром. Для меня это было настоящим откровением.

Думаю, что труд художника как раз и заключается в том, чтобы свой богатый внутренний мир передать зрителям - не просто изобразить что-то, а именно передать духовный посыл.

В. Нестеренко: У Ван Гога не было лукавства. Он рисовал восемь лет. За эти восемь лет он всего себя отдал искусству живописи. Но у других было лукавство и, начав разрушать традиционное искусство, они пошли все дальше и дальше... Смелая форма, которая была присуща Ван Гог и его окружению, выродилась в самоцель и привела к искусству вообще безобразному.

Апофеоз такого искусства – «Черный квадрат», эта подмена иконы. Данная картина Малевича была представлена на одной из футуристических выставок: там был устроен как бы «красный уголок», куда поместили «Черный квадрат». Где грань? Где остановиться?

Митрополит Иларион: Вы сами упомянули «Черный квадрат». Что в этом «Черном квадрате» можно увидеть интересного, самобытного, оригинального? Может быть, оригинальность должна была заключаться в том, что в этой пустоте как раз ничего и не было? Какую энергетику, как Вы говорите, какую духовную наполненность несет такое искусство? Как такое искусство может преобразить жизнь человека? Может ли оно изменить человека к лучшему?

В. Нестеренко: Оно может преобразить и изменить к худшему – в нем есть определенная сила.

Митрополит Иларион: Но тогда искусство уже становится антиискусством. Таких произведений сейчас немало. Раньше художники исходили из того, что людям нужно показать что-то прекрасное, что-то возвышенное, показать те идеалы, к которым бы люди потянулись. А сегодня в

искусстве так много уродства, диссонанса. Причем диссонанса, вводимого сознательно, чтобы настроить людей не на возвышенный лад, а дабы разрушить их психику. Некоторые виды музыкального искусства действуют на личность абсолютно разрушительно.

В. Нестеренко: Одна из проблем современного искусства – это отношение к нему со стороны Церкви. Создание Патриаршего совета по культуре было воспринято деятелями культуры, в частности художниками, положительно в том смысле, что они надеются услышать мнение Церкви о современном искусстве.

Сегодня в нем исчезли ориентиры. Сегодня можно услышать, что «старое искусство» – например, те картины, которые висят в Третьяковке, с их качеством, школой, любованием натурой, законами композиции – ушло в небытие. А сейчас, дескать, люди живут совершенно иной жизнью. Но это не так. И в этом смысле мнение Церкви очень важно для большинства людей в России.

Митрополит Иларион: Церковь не может поддерживать те виды искусства, которые несут разрушение, отрицательно влияют на психику людей, не воспитывают в людях доброе, светлое и чистое. И поэтому Церковь не будет принимать тех или иных направлений в искусстве, и вполне естественно, что по этой причине у нее всегда будут противники. В то же время Церковь остается открытой для самых разных направлений, общественных и политических взглядов, в том числе и художественных ориентаций.

Хочу обратиться к одному интересному примеру из истории нашей Церкви. После реформ Петра I, которые, как известно, поколебали все устои бытия нашего народа, в Церковь пришла так называемая академическая живопись, основанная на западных стандартах. Это неканоническое, светское по своей природе искусство. Но, тем не менее, и оно нашло свою нишу в наших храмах. Церковь не отторгла это искусство – она его приняла и в какой-то мере преобразила. И сегодня академическая живопись является важной частью нашего церковного наследия. Вспомним хотя бы роспись Храма Христа Спасителя, в воссоздании которой участвовали и Вы.

Сегодня у нас есть и такие храмы, которые расписаны в традиционном иконописном стиле, и такие, где нашла свое место академическая живопись.

В. Нестеренко: Владыка, я как раз хотел поговорить с Вами на эту тему. Перед художниками, пишущими для Церкви, очень остро стоит вопрос: в каком стиле писать: в академическом или в византийском, древнерусском? Некоторые из них абсолютно не принимают одно направление, некоторые – другое. Как тут быть?

Митрополит Иларион: Лично я отношусь к тем, кто внутренне, а также по ряду богословских

соображений не принимают академическую живопись в храмах. Всякий раз, когда я смотрю на купол Храма Христа Спасителя и вижу там изображение Бога Отца, я вспоминаю, что это неканоническое изображение, что оно не соответствует тому богословию, на основе которого пишутся иконы.

В. Нестеренко: Это не я писал. Я воссоздавал ту роспись, которая была раньше.

Митрополит Иларион: Тем не менее, Вы были свидетелем того, как это происходило. Вполне естественно, что если храм восстанавливается, он восстанавливается таким, каким был. Мы сейчас не спрашиваем, почему те или иные изображения существовали в XVIII, XIX веке – мы восстанавливаем то, что было разрушено. В этом смысле мы говорим, что академическая живопись в силу исторических обстоятельств, так же, как и партесное четырехголосное пение, стало неотъемлемым достоянием нашей церковной культуры. Мы сейчас не можем запретить вошедшие в нашу жизнь партесные песнопения и перейти на знаменный распев. В отдельных монастырях, в отдельных храмах это происходит, но повсеместно мы этого сделать не можем.

Как показывает опыт, академическая живопись, которой свойственно отступление от тех или иных канонов, не является препятствием для того, чтобы через такие произведения на людей действовала благодать Божия. Моим первым храмом, куда я ходил в юности, был храм Воскресения Словущего в Брюсовом переулке - храм, куда ходили многие художники, композиторы, известные актеры. Там есть чудотворный образ «Взыскание погибших», который не соответствует традиционным представлениям об иконе, – Божия Матерь изображена без головного убора. Но это чудотворный образ, и от него совершаются чудеса. Люди приходят к нему с молитвой и получают через этот образ исцеление. А это значит, что благодать Божия действует через такую икону.

Это свидетельствует о том, что в Церкви существует достаточное пространство для различных художественных направлений и для того, чтобы художник мог себя выразить очень по-разному.

Служба коммуникации ОВЦС